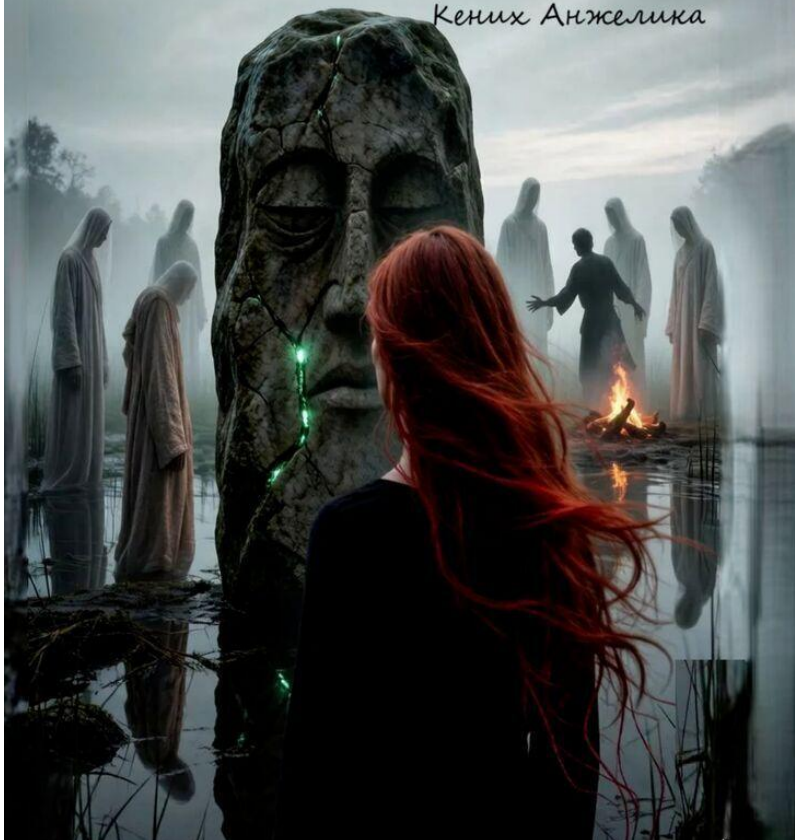

18+

600 лет до рассвета.

Та что вернулась.

Кених Анжелика

Анжелика Кених

600 лет до рассвета.

Та, что вернулась

<https://litres.ru/74155049>

ISBN 9785007023191

Аннотация

Она хотела сбежать от серых будней. Он просто поехал за ней. Глухой лес, древние сейды, шёпот болот — обычный отпуск обернулся шестью веками в мире, где время застыло. Десять наставников, десять уроков, и за каждый — плата: тепло, тень, смех, память. Чтобы вернуться домой на тот же рассвет, им придётся отдать больше, чем можно вообразить. Фолк-хоррор о любви, потере и границе, которую нельзя пересекать.

Содержание

Глава 1. Город	5
Глава 2. Сборы	7
Глава 3. Заправка	11
Глава 4. Заправка	16
Глава 5. Дорога	20
Глава 6. Сейды	24
Глава 7. Пустырь	28
Глава 8. Ночная гостья	37
Глава 9. Пропажа	43
Глава 10. Ячменный луг	48
Глава 11. Ворота. Десять наставников	52
Глава 12. Изба	61
Глава 13. Руна имени	66
Глава 14. Ожидание	74
Глава 15. Эпизод Лоухи	80
Глава 16. Голос из тумана	84
Глава 17. Решение	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

600 лет до рассвета Та, что вернулась

Анжелика Кених

© Анжелика Кених, 2026

ISBN 978-5-0070-2319-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Город

Анна

Каждое утро я просыпалась с привкусом бетона на языке. Гул проспекта въедался в дёсны, а телефон вибрировал, как чужая кость в кармане. Я чувствовала это каждое утро, когда открывала глаза: серое небо прилипало к окну, гул проспекта вползал в квартиру через щели, а телефон пульсировал уведомлениями.

Я стояла у окна на девятом этаже, смотрела в двор-колодец. Серые панельные высотки обрезали небо. Внизу — ржавые качели, пустые скамейки, несколько чахлах деревьев в бетонных клумбах. Это место никогда не было моим, но я привыкла к нему, как привыкают к шуму за окном. А теперь привычка душила.

Я думала: если я не уеду сейчас, то просто перестану дышать.

— Ну что, готова к приключениям? — Андрей появился на пороге с рюкзаками.

— Готова, — я отвернулась от окна. — Только не забудь фотоаппарат, будешь снимать эти твои... сейды.

Он усмехнулся. Я не ответила на его шутку про время. Внутри что-то ёкнуло, когда я закрыла дверь. Будто я оставляла что-то, что уже не найду.

В лифте я смотрела на своё отражение — бледное лицо, тёмные круги под глазами. Бабушка говорила, что в нашем роду женщины быстро стареют. Или не стареют вовсе — если уходят в лес.

Я не знала тогда, что она имела в виду. Теперь знаю.

В машине Андрей включил «Наутилус». Я смотрела в окно, как многоэтажки сменяются соснами. Чем дальше, тем тише становилось у меня в голове. Будто кто-то убавлял громкость.

Я закрыла глаза. В темноте под веками я увидела свет. Зелёный, пульсирующий. Открыла — его не было.

— Ты не боишься, что мы забредём слишком далеко? — спросила я, когда навигатор начал терять сигнал.

— Ты же знаешь, я не верю в мистику, — он не отрывал взгляда от дороги. — Но раз тебе хочется — поехали. Только обещай, что не будем ночевать на кладбище.

Я улыбнулась. Он не увидел.

Я смотрела на карту, разложенную на коленях, и чувствовала, что мы едем не туда, куда я планировала. Или туда, куда нужно.

Конец главы 1

Глава 2. Сборы

Андрей

Я проснулся от того, что Анна уже не спала.

Я лежал с закрытыми глазами, слушал, как она ходит по квартире. Бесшумно — но я чувствовал её движение. Звякнула посуда. Зашуршала ткань. Потом тишина — она замерла у окна.

Она всегда останавливалась у окна так, чтобы правым плечом касаться холодной рамы — я слышал этот тихий стук её косточки о пластик. Перед отъездом она всегда смотрела на двор-колодец. Стояла, вглядывалась в серые стены, в ржавые качели. Будто прощалась с чем-то, что держало её здесь.

Я не открывал глаза. Ещё несколько минут тишины, прежде чем город снова начнёт давить.

Мы были вместе восемь лет. Я знал, когда ей нужно молчание, а когда — просто моя рука. Сейчас ей нужно было уехать. Я видел это по её плечам, которые поднимались к ушам, когда она сидела за компьютером. По пальцам, сжимавшим кружку с остывшим чаем. По тому, как она молчала — не спокойно, а тяжело.

Я сел. Посмотрел на пустую половину кровати. Простыня смята, подушка хранила вмятину от её головы. Я провёл по ней рукой. Она была ещё тёплой.

Я не знал, что мы едем не в отпуск. Я думал, что мы просто уезжаем от города. От пробок, от уведомлений, от серого неба.

Я ошибался.

— Ну что, готова? — я появился на пороге, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

Она стояла у окна. Свет падал на её лицо, делая его бледным. Я видел тени под глазами, которые она не могла скрыть.

Она отвернулась. В её глазах было что-то, чего я не мог прочесть.

— Готова, — сказала она. — Только не забудь фотоаппарат, будешь снимать эти твои... сейды.

Я усмехнулся. Она всегда так говорила, когда хотела смеяться над темой.

Я не стал спрашивать, о чём она думала у окна. Я знал — она не ответит.

В машине я смотрел на неё. Чем дальше мы уезжали, тем спокойнее становилось её лицо. Морщинки разглаживались, плечи опускались. Она выдыхала город.

Я радовался этому, хотя сам не понимал, что нас ждёт.

Я не верил в мистику. Я верил в бензин в баке, в заправку в багажнике, в карту, которую купил на заправке.

Но глядя на неё, я начинал верить, что есть что-то ещё.

— Ты не боишься, что мы забредём слишком далеко? — спросила она.

Я посмотрел на навигатор. Экран был чёрным. Я постучал по нему пальцем — бесполезно.

— Ты же знаешь, я не верю в мистику, — сказал я. — Но раз тебе хочется — поехали.

Она улыбнулась. Я видел её улыбку краем глаза. Она была невесёлой, но я сделал вид, что не заметил.

Я смотрел на дорогу. Лес подступал всё ближе.

Я не знал, что мы едем домой.

Но если бы знал — я всё равно повернул бы ключ в замке зажигания.

Потому что она смотрела в окно и впервые за долгое время не молчала тяжело. Она молчала спокойно.

Я повернул ключ в замке зажигания. Мотор завёлся с пол-оборота. Она молчала спокойно. Я больше ничего не спрашивал

Конец главы 2

Глава 3. Заправка

Анна

Мы остановились в придорожной деревне заправиться.

Бензоколонка была старой, ржавой, с одним пистолетом. Андрей вышел перекинуться парой слов с водителем грузовика, который тоже тормознул здесь. Я осталась в машине, но сидеть на месте не могла — ноги затекли, в голове шумело от дороги.

На лавке сидела старуха.

Чёрный платок, лицо в морщинах, руки тёмные, как кора. Она смотрела на дорогу, но когда я подошла, повернулась ко мне. Глаза у неё были светлые, почти белые, как у слепой.

Но она видела. Я чувствовала это кожей.

— Дальше не езжайте, — сказала она без приветствия. — Там, куда вы собрались, дороги нет.

— У нас карта, — ответила я. — Есть дорога к урочищу.

Старуха усмехнулась, обнажив жёлтые, редкие зубы.

— Карта врёт. То место не на бумаге. Его рисуют на коре. Кровью.

Она коснулась моих волос. Я почувствовала не пальцы — холодный ожог, будто мокрый лёд прижали к затылку. Сладковатый дух гнилых яблок просочился в нос, осел на языке, и я вдруг поняла, что не могу сглотнуть — горло перехватило.

— Рыжая, — прошептала она. — Значит, уже отмеченная. Лес таких любит. Берёт в корни.

Я хотела отшатнуться, но она схватила меня за запястье. Пальцы у неё были цепкими, холод проник под кожу, поднялся к локтю. Другой рукой она быстро обмотала вокруг моей кисти красную нитку — тонкую, шерстяную. Я не успела отдёрнуть.

— Это чтобы ты дорогу назад нашла, — сказала она. — Если не потеряешь, конечно. Красная нить отводит глаза

нечисти. А если порвётся — значит, пропала.

— Отпустите, — сказала я тихо.

Она отпустила. На моём запястье остались красные следы — от пальцев и тонкая полоска нити. Нить была тёплой, почти горячей. Она пульсировала, как вторая кровеносная жила.

— Камень не бери, — сказала она уже в спину. — Если увидишь камень с лицом — не трогай. У него нет имени, но если ты назовёшь его, он назовёт тебя. И тогда ты станешь его. Навсегда.

Она повернулась и пошла прочь, но я не слышала шагов. Только шорох, как от сухой листвы по асфальту

Я быстро пошла к машине. На полпути обернулась.

Старухи уже не было на лавке. Вместо неё на перилах висел чёрный платок. Он колыбался без ветра — медленно, как будто его кто-то трогал изнутри. А под ним на досках лежала горсть мокрой земли. И в ней — куриная косточка. Переломанная пополам.

Я села в машину и захлопнула дверь.

В ту же секунду стекло покрылось изнутри тонкой плёнкой инея. Я провела пальцем — полоса осталась, но иней не таял. Он был тёплым. Иней не может быть тёплым.

Красная нить на запястье стала влажной, будто её только что вынули из воды.

Я сжала пальцы в кулак и поняла, что в ладони что-то зажато. Разжала — маленькое чёрное пёрышко, влажное, лип-

кое, как только что вырванное из живой плоти. Оно дышало. Я чувствовала, как оно пульсирует.

Я зажала его снова. Не выбросила. Не сейчас.

Андрей открыл дверь, сел за руль.

— Ты бледная, — сказал он. — Что случилось?

— Ничего. Поехали. Я провела пальцем по карте, и бумага под ногтем чуть потеплела, словно маршрут сам вёл нас

Конец главы 3

Глава 4. Заправка

Андрей

Я стоял у бензоколонки, перекидывался словами с водителем грузовика.

Мужик жаловался на дороги, на цены на солярку, на то, что скоро на трассах не останется ни одной нормальной заправки. Я кивал, смотрел на лес за его спиной и ждал, когда Анна вернётся.

Я заметил, что она отошла к лавке у магазина. Там сидела какая-то старуха. Я не придал значения — в таких деревнях всегда сидят старухи. Чёрный платок, тёмное лицо. Обычное дело.

Потом я увидел, как старуха тянет руку к Анне. Как Анна вздрагивает. Я хотел уже пойти туда, но водитель грузовика вдруг начал рассказывать, как его брат пропал в этих лесах три года назад и до сих пор не нашли.

— Ушёл за грибами, — говорил он, глядя в сторону леса. — И всё. Ни звонка, ни записки. Искали, облазили всё. Ничего. Будто лес проглотил.

Я слушал краем уха, не сводя глаз с Анны.

Она стояла неподвижно. Слишком неподвижно. Я знал её — она не умеет стоять без движения. Всегда переминается с ноги на ногу, крутит в пальцах край куртки. А сейчас за-

мерла. Как будто её держали.

Старуха что-то говорила, я не слышал слов, но видел, как шевелятся её губы. Потом она отпустила Анну. Анна быстро пошла к машине, почти побежала.

— Вы в тех местах поосторожнее! — крикнул водитель вдогонку. — Там болота, люди пропадают!

Я попрощался кивком, пошёл к машине.

В салоне было холодно. Слишком холодно для летнего дня. Анна сидела, вжавшись в кресло, бледная, сжатые губы. Я сел за руль, посмотрел на неё. Она не смотрела на меня.

— Ты бледная, — сказал я. — Что случилось?

— Ничего. Поехали.

Я не поверил. Но я знал — если она не хочет говорить, спрашивать бесполезно. Она замкнётся, уйдёт в себя, и я не смогу до неё достучаться. Так было всегда.

Я завёл двигатель. Посмотрел в зеркало заднего вида.

Старуха стояла у лавки, смотрела вслед. Чёрный платок, тёмное лицо. Я моргнул — её не было. Воздух был неподвижен, но ткань дёрнулась, как будто под ней кто-то вздохнул. Только чёрный платок висел на перилах.

Я ничего не сказал Анне.

Мы выехали на трассу. Я смотрел на дорогу, но краем глаза видел, как Анна сжимает что-то в кулаке. Пальцы белые, костяшки торчат. Потом открыла окно, выбросила что-то наружу.

Я не спросил, что это было.

Я боялся услышать ответ.

В зеркале заднего вида мелькнула стайка ворон. Они сидели на ветках придорожной берёзы и смотрели нам вслед. Все смотрели. И молчали.

Я никогда не видел, чтобы вороны молчали.

Я нажал на газ. Мы поехали дальше.

Лес подступал всё ближе. Я смотрел на дорогу, но думал о старухе. О том, как она смотрела на Анну. О том, как Анна замерла.

Я поправил зеркало заднего вида. Рука дрогнула. Я сжал оплётку руля — кожа под пальцами была липкой, хотя день стоял нежаркий

Конец главы 4

Глава 5. Дорога

Анна

Мы выехали на трассу, и я наконец выдохнула.

Я смотрела в зеркало заднего вида, пока деревня не скрылась за поворотом. Старухи не было. Только чёрный платок висел на перилах, колыхался без ветра. Я сжала пальцы — пёрышко всё ещё было в кулаке. Влажное, липкое. Оно пульсировало.

Я открыла окно. Ветер ударил в лицо, холодный, сырой. Я разжала пальцы.

Пёрышко не упало.

Его подхватило и унесло в сторону леса, будто там его ждали. Я смотрела, как оно кружится, поднимается выше, исчезает между стволами. В ту же секунду из кювета поднялась стайка ворон. Пять или шесть. Они сели на ветки придорожной берёзы и проводили нас взглядами.

Все вороны смотрели в нашу сторону.

И молчали.

— Что ты выбросила? — спросил Андрей.

— Мусор. Просто мусор.

Он не спросил больше.

Дорога сузилась. Асфальт кончился, началась глина, перемешанная со щебнем. По обочинам то и дело попадались

странные объекты — маленькие обелиски из серого камня, перевязанные ржавой проволокой. На одном я заметила кусок бересты с нацарапанными знаками. Не буквами, не рунами. Чем-то древним.

Красная нить на запястье стала горячей. Кожа под ней покраснела, будто от ожога.

— Останови, — попросила я, когда за поворотом открылись камни, сложенные в полукольцо.

Андрей заглушил мотор.

Тишина упала на нас, как одеяло — тяжёлое, влажное, живое. Я вышла из машины. Воздух был холоднее, чем в лесу, и такой плотный, что закладывало уши. Я слышала своё дыхание, и оно казалось чужим.

Я подошла к камням. Они были серыми, замшелыми, но когда я провела пальцами по поверхности, камень оказался тёплым. Как живой.

— Это сейды, — сказала я. — Здесь время течёт иначе.

Андрей ничего не ответил. Я обернулась — он стоял у машины, оглядывал лес. Я заметила, как он поёжился.

Он тоже чувствовал. Просто не хотел признаваться.

Я не стала настаивать.

Мы сели в машину. Я глянула в зеркало заднего вида. Мне показалось, что камни изменили положение. Тот, что был слева, теперь стоял справа. Я моргнула — всё вернулось.

Или нет.

Дальше поехали молча. Лес подступал плотно, ветви на-

висали над крышей, иногда скребли по металлу. В тишине между поворотами я слышала странные звуки. Кто-то стучал. Размеренно, глухо. Будто били палкой по сухому дереву. Три удара, пауза, три удара.

— Смотри, — Андрей указал вперёд.

На обочине, у старого покосившегося креста, лежал венчик. Свежий. Из полевых цветов и рябиновых веток. Внутри венка — разбитое яйцо, скорлупа ещё влажная.

— Кто-то поминает, — сказал он.

— Только здесь нет местных. Деревня была пустая.

Крест был не могильный, а придорожный. Такой ставят там, где кто-то умер внезапно, не на кладбище. На перекладине висела тряпичная кукла, грубо сшитая, с нитками вместо волос. Вместо лица — пустота.

Но мне показалось, что она смотрит.

Я отвернулась.

Деревья росли странно — наклонённые в одну сторону, с наростами, похожими на лица. Я смотрела на них, и мне казалось, что они провожают нас взглядами. Не злыми — просто внимательными.

— На карте есть дорога к урочищу, — Андрей развернул лист. — С пометкой «старое кладбище, чудские могильники».

Я посмотрела на него. В моих глазах было что-то, чего он раньше не видел.

— Поехали.

Конец главы 5

Глава 6. Сейды

Андрей

Я заглушил мотор, и различал её пульс — частый, птичий. И свой — медленный, как шаги в болоте.

Анна вышла первой. Я смотрел, как она идёт к камням, как проводит по ним пальцами. Она всегда так делала — трогала то, что её привлекало. В музеях, на старых зданиях, даже на деревьях в парке. Я привык.

Но здесь мне не нравилось, как она это делает. Слишком осторожно. Слишком нежно. Будто боялась причинить боль. Она провела ладонью по замшелому боку, и я услышал тихий звон, как от лопнувшей струны глубоко под землёй. Анна улыбнулась, а у меня заложило уши

Я вышел из машины. Воздух был сырым и тяжёлым. Не холодным — тяжёлым. Как будто я нёс его на плечах.

Анна сказала что-то про время. Я не вслушивался. Я смотрел на камни.

Они стояли полукругом, серые, замшелые. Обычные валуны. Их полно в Карелии. Но эти почему-то заставляли меня держаться на расстоянии. Я не хотел к ним прикасаться. — Просто камни, — сказал я, сам не веря своим словам.

Анна обернулась. Её глаза блеснули — не от слёз, от чего-то другого. Она видела то, чего не видел я. Или не хотел

видеть.

— Ты не чувствуешь? — спросила она. — Здесь холоднее. И тишина... как будто всё замерло.

Я поёжился. Не от холода — от её взгляда.

Я оглянулся на лес. Стволы стояли плотно, ветви сплетались, образуя тёмный свод. В просветах между деревьями мне почудилось движение. Я вгляделся — ничего. Только тени.

— Поехали, — сказал я. — Уже поздно.

Она не спорила. Села в машину, захлопнула дверь.

Я посмотрел в зеркало заднего вида, когда мы тронулись. Камни стояли на месте. Но мне показалось, что их стало больше. Или они сдвинулись.

Я не стал обращаться.

Дорога стала хуже. Ямы, корни, глина. Лес подступал с обеих сторон, ветки скребли по крыше, как пальцы. Я сбавил скорость, объезжая особо глубокие лужи.

Анна молчала. Я украдкой смотрел на неё. Она сжимала запястье, там, где старуха повязала нитку. Я не спрашивал, зачем она её носит. Я боялся, что ответ мне не понравится.

Потом я увидел венки на обочине.

Свежий цветы, рябиновые ветки, разбитое яйцо внутри. Я сказал, что кто-то поминает. Анна ответила, что здесь нет местных.

Я не стал спорить.

На перекладине креста висела тряпичная кукла. Без лица. Я смотрел на неё, и мне казалось, что она наблюдает за мной. Глупо. Но я отвернулся первым.

Деревья пошли с наростами на стволах. Я знал, что это трутовики, но они слишком сильно напоминали лица. Я смотрел на дорогу, стараясь не поднимать глаз.

— На карте есть дорога к урочищу, — сказал я, разворачивая лист. — С пометкой «старое кладбище, чудские могильники».

Анна посмотрела на меня. В её глазах было что-то, чего я раньше не видел.

— Поехали, — сказала она.

Я кивнул.

Мы поехали. Лес сомкнулся за нами, как дверь.

Конец главы 6

Глава 7. Пустырь

Анна

Дорога вывела нас к открытому пространству.

Я увидела его не сразу — сначала только чёрные стволы берёз, потом просвет, потом вдруг лес расступился, и мы выехали на пустырь.

Он был окружён корявыми берёзами, с одной стороны подступало болото — чёрная вода, кочки, редкие островки мха. В центре — сухой пятак, где трава была примята, а земля казалась вытоптанной. Идеально ровное место, будто кто-то разровнял его руками.

Андрей заглушил мотор. Я вышла из машины, и когда нога коснулась земли, меня накрыло тишиной.

Не просто отсутствием звуков — плотной, осязаемой тишиной, которая давила на барабанные перепонки. Я слышала, как кровь течёт по венам. Как сердце стучит в груди. И ещё что-то: где-то далеко-далеко, на грани слуха, — шёпот. Слов было не разобрать. Он то возникал, то пропадал, как радиоволна, уходящая в помехи. Я прислушалась — шёпот стих. Только глухое уханье сердца.

Я прошла к центру пустыря. Трава под ногами была сухой, жёсткой. Она не гнулась — ломалась с тихим хрустом, будто кто-то наступал на крошечные кости. Я оставила за собой след из примятых стеблей — чёткий, одиночный, а когда обернулась, увидела, что следы наливаются чернотой. Не тенью — сами стебли темнели, словно обугливались.

— Андрей, — позвала я.

— Что?

— Посмотри на траву.

Он подошёл, присел. Провёл пальцем по стеблю — на подушечке осталась сажа.

— Торфяной пожар? — предположил он. — Может, горело когда-то.

— Сейчас сентябрь. Торф не горит в сентябре.

Он пожал плечами. Я поняла: он не хочет думать об этом. Он вообще не любил, когда что-то не укладывалось в его картину мира. А здесь не укладывалось всё.

Мы разгрузили машину.

Палатку поставили на сухом пятаке, костёр развели из хвороста, который я собрала на опушке. Пока я раскладывала спальные, Андрей осмотрел место.

— Смотри, здесь кто-то уже останавливался, — он показал на камни, сложенные полукругом вокруг кострища. — Туристы, наверное.

Я подошла, присела на корточки. Угли в кострище были иссиня-чёрными, будто спекшимися, а не обгоревшими. Я сунула руку в золу — она была тёплой. Пальцы нащупали что-то твёрдое.

Кусочек бересты с непонятными знаками.

Не буквы, не рисунок. Что-то древнее, что заставило мои пальцы задрожать. Я разглядела одну руну — ту, что позже Лоухи назовёт «связью». Тогда я этого не знала. Просто сунула бересту в карман, не показывая Андрею.

— Здесь недавно жгли костёр, — сказала я. — Но угли совсем чёрные, будто не горели, а плавились.

— Может, место часто используют, — он пожал плечами. — Раз есть пятак — значит, сухо, удобно.

— Да. Удобно.

Я встала, отряхнула руки. Красная нить на запястье нагрелась. Я посмотрела на неё — она не горела, но кожа под ней покраснела, будто от ожога. Я провела пальцем — горячо.

— Что с рукой? — спросил Андрей.

— Ничего. Нить просто... тёплая.

— Может, снимешь?

— Нет, — ответила я быстрее, чем собиралась. — Пусть пока будет.

Он не стал спорить.

Мы разожгли второй костёр — из привезённых с собой дров. Пламя взметнулось, но вело себя странно: дым стелился по земле, не поднимаясь, а огонь иногда менял цвет на зеленоватый. Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. В глубине пламени что-то двигалось — крошечная фигурка, скрученная, как сухой лист. Она вспыхнула и исчезла, оставив после себя облачко болотного газа. Андрей этого не видел. Он возился с кашей.

— Ну что, хозяйка пустыря, — он протянул мне миску с гречкой и тушёнкой, — будешь ужинать, или как?

Я взяла миску, села ближе к костру. От него шёл жар, но спину холодило — и холод этот был не от ветра. От земли. От леса. От воды. Я чувствовала спиной, как болото смотрит на нас.

Мы ели молча. Вкус гречки был странным: соль, дым, тушёнка — всё отдельно, не смешиваясь. А под этим вкусом

— другой, едва заметный: сырой земли, гнили, сладковатого торфа. Я глотала, и каждый глоток охлаждал горло, будто я пила воду из колодца.

— Ты заметил, что здесь совсем нет звуков? — спросила я. — Ни птиц, ни ветра.

Андрей прислушался.

— Да, необычно. Даже ухо закладывает.

— Как в склепе, — сказала я тихо.

Он не ответил.

Я хотела отложить миску, но заметила, что руна на бересте в моём кармане нагрелась — сильно, до лёгкого ожога. Я сунула руку в карман, коснулась её — и шёпот, тот самый, вернулся. Теперь я разобрала несколько слов:

«...не зови... камень... не называй...»

Я отдёрнула руку.

— Анна? — Андрей смотрел на меня с тревогой. — Ты бледная.

— Всё нормально. Просто устала.

Я хотела сменить тему.

— Ну и зачем мы сюда приехали? — спросил он. — Ты искала эти места специально, я видел твои закладки в телефоне.

Я смотрела на огонь.

— Я читала, что здесь сохранились древние захоронения, сейды, и что в этих болотах иногда видят огни. Хийденкюнтюля — болотные огни, которые заманивают путников.

— И ты хочешь их увидеть?

— Я хочу понять, почему меня тянет в такие места. В городе я чувствую, что задыхаюсь. А здесь... спокойно. Как будто я вернулась туда, где должна быть.

Он замолчал. Я знала, что он не понимает, но не осуждает.

— Иногда кажется, что ты ждёшь чего-то, — сказал он тихо. — Какого-то знака.

— Может быть. Моя бабушка говорила, что в нашем роду были женщины, которые уходили в лес и не возвращались. И что их не хоронили, потому что они «ушли в чужь».

— Ты думаешь, это правда?

— Я не знаю. Но хочу узнать.

Костёр треснул, выбросив сноп искр. Одна упала мне на руку, но я не почувствовала боли. Только тепло. А может, и тепла не было — просто я перестала различать.

Андрей подбросил дров. Внезапно он встал, подошёл к краю пустыря, к берёзе с рваной корой, и провёл по ней рукой.

— Смотри, — сказал он. — Здесь кто-то вырезал. Недавно.

Я подошла. На стволе, свежие, ещё сочащиеся соком, темнели знаки. Не буквы — руны. Такие же, как на бересте у меня в кармане. Одна из них — «связь». Но была и другая: кривая, с тремя ответвлениями, похожая на детский рисунок дерева. Я не знала её значения, но от её вида у меня заныло в груди.

— Туристы не режут руны на берёзах, — сказала я.

— Может, местные? Реконструкторы?

— Может.

Я сфотографировала руны на телефон. Экран мигнул и погас — аккумулятор сел мгновенно, хотя показывал половину заряда. Я убрала телефон в карман. Внутри нарастало беспокойство, липкое, как паутина.

— Что ж, тогда будем ждать твоих огней, — сказал Андрей, явно пытаюсь разрядить обстановку. — Но если увижу старуху с косой — сразу уезжаем.

Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

— Договорились.

Вечер навалился быстро. Солнце ещё не село, а сумерки уже поползли из болота. Мы сидели у костра молча. Я сжимала в кармане чужую бересту и чувствовала, как нить на запястье пульсирует.

— Ложись, — сказал Андрей. — Я посижу ещё.

— Ты сегодня слишком заботливый.

— Ты слишком бледная.

Я не стала спорить. Залезла в палатку, забралась в спальник. Ткань пахла домом — сухим теплом, стиральным порошком. Но под этим запахом, едва заметно, проступал другой: торф, гниль, чёрная вода.

Я закрыла глаза.

Сон не шёл. Я слышала, как Андрей подбрасывает дрова, как трещит костёр, как он тихо напевает что-то себе под

нос. А потом — между треском поленьев и его голосом — я услышала его.

Детский смех.

Тонкий, переливчатый, он донёлся со стороны болота. Замер. Снова возник. Андрей не слышал — он продолжал петь. Я села в спальнике.

Смех повторился. Теперь ближе.

Я выглянула из палатки. Андрей сидел спиной ко мне, смотрел в огонь. За его спиной, на границе света и тьмы, мне почудилась маленькая фигурка. Светлое платье, босые ноги. Она стояла, чуть склонив голову набок, и смотрела на меня.

Я моргнула — фигурка исчезла. Только ветка качнулась на берёзе.

— Андрей, — позвала я.

— М?

— Ты ничего не слышал?

— Вроде нет. Птица какая-то, может.

Я не стала говорить про смех. Забралась обратно в спальник, натянула край до подбородка.

Шёпот вернулся. Теперь он шёл не из кармана — из-под земли. Я слышала голоса — много голосов, тонких, как детские, старых, как сама земля. Они переговаривались на языке, которого я не знала, но смысл просачивался сквозь кожу: «Пришла, пришла, отмеченная...»

Красная нить на запястье стала горячее. Я прижала её к губам — она пахла дымом и чем-то сладким.

В ту ночь я не спала. Лежала с открытыми глазами, слушая, как тишина становится всё плотнее, всё глубже.

А потом, уже под самое утро, когда свет за стенкой палатки начал сереть, я услышала шаги. Лёгкие, детские. Они обошли палатку, остановились у входа.

Я знала: то, что придёт завтра, изменит всё. И я не могла этому помешать. И не хотела.

Конец главы 7

Глава 8. Ночная гостья

Анна

Я не спала.

Лежала с открытыми глазами, слушая тишину. Андрей уснул сразу — его дыхание стало ровным, глубоким, с лёгким присвистом на выдохе. Раньше это убаюкивало. Сейчас — нет. Сейчас каждый его выдох казался мне отсчётом времени, которое утекало сквозь пальцы.

Тишина давила на уши. Не просто отсутствие звуков — живая, плотная тишина, которая втягивала в себя всё: шорох спальника, моё дыхание, его дыхание, удары сердца. Она была как вакуум — и в этом вакууме я слышала только одно: далёкий, едва различимый шёпот. Тот самый, что доносился из-под земли днём. Теперь он шёл из тумана.

Я вылезла из спальника, приоткрыла полог палатки.

Туман поднялся.

Плотный, молочный, он стелился по земле, не поднимаясь выше колен. Холод ударил в лицо, но я не чувствовала его — или не обращала внимания. Моё тело как будто онемело, остались только глаза и уши.

Куртка осталась в палатке. Я вылезла без неё, в одной тонкой кофте. Ноги сами понесли меня к камням.

На пороге палатки, прислонённый к серому валуну, лежал

камень. Я замерла.

Он был небольшим, с ладонь, но я знала — это он. Тот самый. Камень-личина.

Лицо на нём было вырезано грубо, но узнаваемо: закрытые глаза, тонкие губы, гладкие щёки. Как у младенца, но древнее. Когда я наклонилась, мне показалось, что губы дрогнули. Не от ветра — ветра не было.

Я хотела отшатнуться, но рука потянулась сама. Пальцы коснулись камня.

Он был тёплым. Слишком тёплым для камня, пролежавшего всю ночь в тумане.

Я отдернула руку и быстро пошла обратно, забралась в палатку, закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

Открыла глаза — камень лежал у входа.

Я зажмурилась. Досчитала до десяти. Открыла.

Камень лежал на том же месте. Но теперь на нём была вода — капли, как слёзы, стекали по вырезанным щекам.

— Андрей, — прошептала я.

Он не ответил. Даже не пошевелился. Его дыхание осталось ровным — слишком ровным, как у человека, который не спит, а лежит без сознания. Я потрясла его за плечо. Он не проснулся.

За стенкой палатки что-то шевельнулось.

Шаги. Медленные, шаркающие. Они обошли палатку, остановились у входа.

— Андрей! — на этот раз громче. Бесполезно. Он спал

мёртвым сном — или просто не мог проснуться.

Шаги затихли. Я сидела, вглядываясь в серую ткань палатки. Туман прижимался к ней снаружи, и мне казалось, что в нём есть лицо. Детское. С огромными, слишком серьёзными глазами.

А потом я почувствовала холод. Не сквозняк — холод, который пришёл изнутри, из самой глубины груди, и сконцентрировался у моего лица. Будто кто-то стоял передо мной, невидимый, и дышал.

Полог палатки приоткрылся сам.

В проёме стояла девочка.

Лет десяти, в светлом льняном платье, с русыми волосами, заплетёнными в две косы. Босая. На ногах — чёрная земля. Она стояла неподвижно, склонив голову набок, и смотрела на меня серыми, почти белыми глазами.

— Ты меня видишь? — спросила она. Голос был тонким, как у ребёнка, но с чем-то ещё — с чем-то старым, древним.

— Вижу, — ответила я. Мой голос не дрожал. Я сама удивилась.

— Хорошо. Значит, я не ошиблась.

Она вошла в палатку — не откидывая полога, просто просочилась сквозь ткань, как туман. Села напротив меня, поджав под себя босые ноги. От неё пахло ячменём и гнилыми яблоками. Сладко, приторно, до тошноты — и всё равно я не могла отстраниться. Запах обволакивал, как дым.

— Кто ты? — спросила я.

— Мила. Я выбрала тебя.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду. Давно жду. Твоя бабушка обещала прийти, но не пришла. Теперь ты вместо неё.

Она говорила спокойно, почти равнодушно. Но в её глазах я увидела что-то ещё. Не злобу. Не голод. Тоску. Бесконечную тоску, которая не уместается в детском лице.

— Почему бабушка не пришла?

— Испугалась. Многие пугаются. А ты — нет. Ты ещё не знаешь, чего бояться.

Она протянула руку.

— Коснись. И ты всё узнаешь.

Я смотрела на её ладонь — маленькую, бледную, почти прозрачную. Под тонкой кожей не было ни вен, ни костей — только серый свет, который пульсировал в такт моему сердцу.

Внутри меня боролись страх и странное доверие. Я понимала, что если коснусь — обратной дороги не будет. Но одна мысль перевесила всё: а если не коснусь — вернусь ли я? Вернусь ли в город, в бетонную коробку, к удушающей привычке? Или останусь здесь, на пустыре, и всю жизнь буду жалеть, что не узнала?

— Что ты возьмёшь? — спросила я. — Какую плату?

Мила улыбнулась. Впервые. Улыбка была детской, светлой, но от неё у меня похолодело в груди.

— Я возьму твою способность видеть в темноте, — ска-

зала она. — По-настоящему видеть. Ты больше не сможешь различать лица в сумерках. Тени станут для тебя одним сплошным пятном. Но зато ты будешь видеть нас. Всегда. Даже при свете.

— А если я откажусь?

— Тогда ты проснёшься. И забудешь этот разговор. И проживёшь всю жизнь, чувствуя, что потеряла что-то важное. Но не сможешь вспомнить, что именно.

Я перевела дыхание.

— А как же Андрей?

— Он не увидит, — Мила мельком глянула на его неподвижное лицо. — Он не готов. Ты будешь его проводником. Если захочешь.

Я закрыла глаза. В темноте под веками я увидела лес. Другой лес — не тот, что за палаткой. Древний, тёмный, полный глаз, которые смотрели на меня и ждали.

Я открыла глаза и протянула руку.

Мои пальцы коснулись её ладони.

Мир взорвался.

Белый свет, зелёные вспышки, голоса, зовущие меня по имени — не тому, что в паспорте, а тому, что было записано на бересте задолго до моего рождения. Я падала, летела, растворялась. Я видела лица — сотни лиц, старых, молодых, детских. Среди них — моя прабабка, рыжая, как я. Она протягивала ко мне руки и говорила: «Не бойся, девочка. Мы ждали».

А потом — тишина.

Я почувствовала, как из меня что-то вынули. Не грубо — осторожно, как вынимают занозу. Свет в глазах померк, тени стали гуще, и я поняла: Мила взяла своё. Теперь сумерки для меня — одна сплошная чернота.

Я открыла глаза.

Мила сидела напротив, всё так же спокойно.

— Ты приняла, — сказала она. — Теперь ты наша.

— Я не ваша, — ответила я. — Я — своя.

— Это одно и то же.

Она встала, не касаясь земли, и поплыла к выходу. У порога обернулась.

— Не зови его, — сказала она тихо. — Он не услышит. Туман разделяет. Но когда-нибудь... Когда-нибудь ты сможешь позвать. Только не сейчас. Сейчас ты ещё слабая.

Она вышла в туман. Полог упал, отсекая свет.

Я осталась одна.

Последнее, что я увидела, — лицо старухи в тумане. Она стояла за Милой, невидимая для неё, и смотрела на меня. Чёрный платок, глаза белые. Старуха с заправки. Она улыбнулась — жёлтые зубы, редкие, страшные — и исчезла.

В мире Андрея, в этот самый миг, у костра, он внезапно проснулся от холода. Спальник Анны был пуст и ледяной. Но он ещё не знал. Он только сжал в пальцах маленькое чёрное перо, пахнущее её духами, и прошептал её имя.

Конец главы 8

Глава 9. Пропажа

Андрей

Я проснулся от холода.

Не от утренней сырости — от холода, который шёл изнутри, из самой глубины костей. Он пробирал сквозь спальник, сквозь куртку, сквозь кожу — и скапливался где-то под сердцем, тяжёлый, как ртуть.

Я повернулся.

Рядом никого не было.

Спальник Анны лежал пустым, смятым, но когда я протянул руку и коснулся его — отдёргнул пальцы. Он был ледяным. Не просто остывшим — ледяным, будто его вынули из проруби и бросили сюда. Будто в нём никто никогда не спал.
— Анна? — позвал я.

Тишина. Даже эхо не ответило — звук упал и утонул в тумане, как камень в болоте.

Я вылез из палатки. Костёр почти догорел, угли тлели красным, но от них не шло тепла. Я подбросил дров — они легли на угли и не загорелись. Просто лежали, чёрные, мёртвые, будто отказывались гореть без неё.

— Анна! — крикнул я громче.

Тишина.

Я обошёл пустырь. Трава под ногами хрустела не от росы

— от инея. В середине сентября. Я остановился. Мои следы на траве были чёрными, будто обугленными. Земля под ними почернела и пахла — сладковато, тошнотворно, как гнилые яблоки.

В голове зашумело.

Я заставил себя дышать ровно. Потом ещё раз обошёл пустырь, теперь по кругу, глядя под ноги. Никаких следов — ни её босых ног, ни чьих-либо ещё. Только мои, чёрные, обугленные.

Я заглянул в машину. На водительском сиденье лежала её заколка — та самая, которой она подкалывала волосы, когда мы выезжали из города. Я взял её. Металл обжёг пальцы холодом, и на подушечках выступил иней. Я дунул — иней не растаял.

И тогда я сделал то, чего не делал с детства.

Я опустился на корточки у кострища, нашёл сухую щепку, сжал заколку в пальцах и попытался высечь искру. Как учил дед: кресало, кремь, трут. Заколка — кресало. Камень — любой. Я нашёл у кострища серый голыш, ударил. Раз. Другой. Третий.

Искры летели, но гасли, едва коснувшись земли.

Я вспомнил, как Анна говорила: «Огонь — это сердце дома. Пока он горит — ты жива». Я снова ударил заколкой о камень, целясь в пучок сухого мха. Искра упала, зашипела... и погасла. Мох почернел, но не загорелся.

— Она жива, — сказал я вслух. — Она там.

Мой голос не дрожал. Я сам не знал, откуда взялась эта уверенность.

Я обошёл болото по краю. Вода была чёрной, неподвижной, как зеркало. Я вгляделся в глубину — и мне показалось, что под поверхностью что-то движется. Не рыба, не коряга. Что-то большое, медленное, с человеческими очертаниями. Я отступил на шаг, но тут же заставил себя остановиться.

— Ты там? — спросил я воду.

Поверхность дрогнула. Пошёл круг, потом второй, потом всё стихло.

Я вернулся к палатке. Её вещи лежали на месте. Куртка висела на колышке. Джинсы аккуратно сложены. Ботинки стоят у входа. Как будто она встала и вышла босиком. Но я бы услышал. Я всегда слышал её шаги.

Я сел у костра, взял заколку, прижал к губам. Металл был холодным, но мне показалось, что я чувствую запах её волос. Слабый, почти неосязаемый.

— Я буду ждать, — сказал я в пустоту. — Ты слышишь? Я здесь.

Туман молчал.

Я не знаю, сколько прошло времени. Может, час. Может, три. Я перестал есть. Перестал пить. Я сидел, смотрел на мёртвые угли и ждал.

А потом она заговорила со мной.

Сначала я услышал шёпот — далёкий, как ветер в кронах, но без ветра. Он шёл не из леса — из палатки. Я подполз к

входу, отдёргнул полог.

Внутри было холодно. На спальнике Анны лежало чёрное перо. Я взял его. Оно было влажным, тёплым, пульсирующим, как крошечное сердце. И от него пахло не птицей — пахло её духами. Тем самым, сладковато-горьким ароматом, который она наносила на запястья перед выходом.

Я сжал перо в ладони и услышал её голос.

«Андрей, я здесь. Не бойся. Я учусь. Это долго, но я вернусь. Жди меня. Жди, пожалуйста».

— Анна! — крикнул я.

Голос исчез. Перо в моей ладони задрожало, пошло трещинами и рассыпалось чёрным пеплом, который просочился сквозь пальцы и впитался в землю.

Я остался один.

Но теперь я знал. Она там. Она жива. И она просила ждать.

Я сел у костра, сжал её заколку в кулаке и уставился в туман. Спать не хотелось. Есть — тоже. Только ждать.

На второй час — или на третий — я услышал шаги.

Они были лёгкими, быстрыми. Они обошли палатку, остановились у входа. Я встал, подошёл.

Никого.

Но на земле остались следы. Маленькие, босые, чёткие, цепочкой уходящие в туман. Я опустился на колени, коснулся одного пальцем. Земля была холодной и влажной. И ещё — она пахла ячменём. Сладко, с медовой горчинкой, как по-

ле под солнцем.

Я поднял голову. Туман колыхался. В его глубине мне почудилась тень. Маленькая. Детская. В светлом платье.

— Ты Мила? — спросил я.

Тень не ответила. Но мне показалось, что она кивнула.

— Передай ей, что я жду.

Тень растаяла.

Я остался один.

Я лёг в её спальник. Вдохнул запах её духов. Он был слабым, почти неощутимым. Я закрыл глаза и попытался представить её лицо.

Оно расплывалось.

И я боялся. Не за себя. За неё.

В мире Анны, в этот самый миг, Лоухи накрыла чашу с водой ладонью и сказала: «Твой муж только что позвал тебя по имени. Не отвлекайся. Здесь это опасно». Анна вздрогнула и прикусила губу. На бересте, лежащей перед ней, проступила руна — не та, что она чертила. Чужая. Но тёплая.

Конец главы 9

Глава 10. Ячменный луг

Анна

Я падала.

Нет — не падала. Растворялась. Моё тело перестало быть моим. Я чувствовала каждую клетку, но они больше не слушались. Руки, ноги, сердце — всё существовало отдельно, и я была где-то между ними, в пустоте, где нет ни верха, ни низа, ни света, ни тьмы.

Голоса. Много голосов.

— Анна... Анна, ты пришла. Мы ждали.

— Не бойся, — голос Милы. — Ты уже там, где должна быть.

— Где? — хотела спросить я, но не услышала своего голоса.

— Дома. В настоящем доме.

Вдох. Я почувствовала воздух. Тёплый, сладковатый, пахнущий мёдом и травой. И солнце. Я почувствовала солнце на лице — сначала как тепло, потом как свет, который проникает сквозь закрытые веки.

Я открыла глаза.

Надо мной было небо. Яркое, голубое, с редкими облаками. Солнце стояло высоко, но не двигалось — застыло в одной точке, как на картине. Я смотрела на него, и оно не сле-

пило. Оно просто было.

Я лежала на спине. Вокруг — ячмень. Высокий, золотистый, выше моего роста. Колосья шелестели, хотя ветра не было. Они шевелились сами, как живые, и тянулись ко мне, касались лица, рук.

Я села. Тело слушалось, но оно было другим — лёгким, невесомым. Я посмотрела на свои руки. Тонкие, с длинными пальцами, с метками на ладонях, которых раньше не было.

— Ты проснулась.

Голос был рядом. Я обернулась.

Мила стояла в двух шагах, склонив голову набок. Светлое льняное платье, русые волосы, заплетённые в две косы, серые глаза. Теперь, при свете дня, она выглядела почти нормально. Почти. Только тень под её ногами была слишком тёмной для такого яркого солнца.

— Где я? — спросила я. Голос звучал чужим — тише, чем обычно, с каким-то новым оттенком.

— Там, где тебя ждали, — она улыбнулась. — Пойдём.

Она повернулась и пошла, раздвигая ячмень. Стебли расступались перед ней, как вода, и смыкались за ней, не оставляя следа.

Я встала. Ноги слушались, но я чувствовала себя неуверенно — будто шла по зыбкой земле.

— Сколько я здесь? — спросила я, догоняя Милу.

— Только миг, — она не обернулась. — Но ты уже другая.

— Что это значит?

— Увидишь.

Я шла за ней, раздвигая ячмень. Стебли царапали руки, оставляя на коже тонкие белые полосы. Они пахли мёдом и пылью, и этот запах заполнял лёгкие, вытесняя всё остальное.

— Мои волосы, — сказала я. — Они были не такими.

— Они всегда были такими, — Мила оглянулась через плечо. — Просто ты не замечала.

— Я замечала. У меня были русые волосы.

— В городе — да, — она отвернулась. — Здесь они настоящие.

Я хотела спросить, что значит «настоящие», но слова застряли в горле. Я шла молча, глядя на её спину.

— Мила, — позвала я. — А Андрей? Что с ним?

Она остановилась. Не оборачиваясь, ответила:

— Он у костра. Ждёт.

— Он один? — сердце сжалось. — Он же не знает, где я.

— Знает, — она повернулась ко мне. — Он чувствует, что ты здесь. Он будет ждать. Он придёт. Когда ты будешь готова.

— Я хочу вернуться к нему сейчас.

— Не сейчас, — она шагнула ко мне, переплела пальцы, надавила костяшками на ладонь. Её ладонь была холодной, как лёд. — Сейчас ты должна идти. Иначе всё, что мы сделали, будет зря.

— Что вы сделали?

— Мы ждали тебя сто лет. Не заставляй ждать ещё.

Она отпустила мою руку и пошла дальше. Я смотрела ей вслед, потом перевела взгляд на свою ладонь. Там, где она коснулась меня, остался белый след, который медленно таял.

Я пошла за ней.

Конец главы 10

Глава 11. Ворота.

Десять наставников

Анна

Мы вышли на край поля, и ячмень расступился, открывая вид на долину.

Деревня лежала внизу, у подножия холма. Несколько десятков домов, сложенных из тёмного дерева, с резными наличниками и крышами, крытыми дранкой. Улицы были прямыми, как стрелы, и такими чистыми, будто их вымели перед моим приходом.

Но что-то было не так.

Я смотрела на деревню и не сразу поняла, что именно меня тревожит, пока не заметила тени. Дома отбрасывали тени, но не от солнца, которое стояло прямо над головой, а откуда-то сбоку, как будто светило два светила, и одно из них было невидимым. Тени лежали косо, тянулись к лесу, как длинные чёрные пальцы.

— Что это за место? — спросила я.

— Деревня, — Мила стояла рядом, глядя вниз. — Твой новый дом.

— У меня есть дом.

— Был. Теперь этот.

Она начала спускаться по тропе, которая вилась между камнями. Я пошла за ней, чувствуя, как каждый шаг приближает меня к чему-то, от чего хотелось бежать. Но бежать было некуда — позади только поле, ячмень, который уже сомкнулся, как вода за спиной пловца.

Тропа вывела к воротам.

Они были высокими, из тёмного дерева, украшенные резьбой — спирали, звери, лица. На столбах — конские черепа. Белые, чистые, без единой трещины. Они смотрели пустыми глазницами, и мне казалось, что они знают, кто я и зачем я здесь.

У ворот стояли люди. Десять.

Они были одеты в льняные рубахи, домотканые пояса, у некоторых — платки или шапки. Их лица были правильными. Слишком правильными. Как маски, которые надели на живую плоть. Ни одного веснушчатого носа, ни одной асимметричной брови. И все они смотрели на меня.

Я остановилась. Ноги стали ватными.

— Не бойся, — Мила взяла меня за руку. — Это твои учителя.

— Почему их десять? — выдохнула я.

— По числу кругов. По числу пальцев на двух руках, которыми ты будешь брать и отдавать.

Она потянула меня вперёд. Люди у ворот расступились, пропуская нас, но не отступили — сомкнулись за спиной, отрезая путь назад. Я чувствовала на себе их взгляды — тя-

жёлые, изучающие, липкие, как болотная тина.

В центре стоял старик. Длинная седая борода, лицо в глубоких морщинах, глаза закрыты. Когда мы подошли, он открыл их.

Под веками не было зрачков — только белая муть, которая пульсировала, как живая. Она дышала. Она смотрела на меня, хотя смотреть было нечему.

— Мы ждали тебя, — сказал он.

Голос шёл не изо рта — из воздуха, из земли, из самих камней. Он звучал сразу отовсюду, и от этого вибрировало в костях.

— Твоя кровь звала нас, и ты пришла.

— Я... я не знала, — мой голос дрожал. — Я просто приехала в отпуск.

— Нет случайных дорог. Ты выбрала этот путь. Камень привёл тебя.

Я машинально сунула руку в карман. Камень-личина был там. Горячий. Пульсирующий, как сердце. Я вытащила его — и все десять пар глаз уставились на него.

— Ты принесла его, — прошепел старик. — Это хорошо. Он помнит тебя.

— Что вы от меня хотите? — спросила я, сжимая камень до боли в пальцах.

— Учиться, — старик закрыл глаза. — Шестьсот лет. Ты станешь хранительницей. Или займёшь место среди нас.

— Шестьсот лет? — я отступила на шаг, но за спиной сто-

яли они, стеной. — Это невозможно. У меня есть муж, работа, жизнь...

— Там пройдёт только ночь, — старик снова открыл глаза. — Ты вернёшься на рассвете. Но здесь ты проживёшь шестьсот лет.

— А если я откажусь?

— Ты уже согласилась, когда коснулась руки Милы. Обратного пути нет до конца обучения.

Из толпы наставников вышла женщина. Рыжие волосы, острые скулы, глаза цвета болотной воды. Она смотрела на меня так, будто видела в зеркале — и это отражение ей не нравилось.

— Твоя прабабка тоже так кричала, — сказала она. — А потом приняла свою судьбу. И ты примешь.

— Кто вы?

— Я Лоухи, — она усмехнулась. — Буду учить тебя колдовать. Ты уже похожа на меня. Это кровь говорит.

Я хотела ответить, но слова застряли в горле. Земля под ногами стала мягкой, как живая плоть. Я опустила взгляд — трава под моими ступнями почернела, и из неё потянулись тонкие белые корни. Они обвили мои лодыжки, поднимались выше, к коленям.

— Что вы делаете?! — крикнула я.

— Мы ничего, — сказал старик. — Это место не отпускает, пока ты не примешь его.

Корни сжимались, и я чувствовала, как они тянут из ме-

ня что-то — не кровь, не силу, а память. В голове одна за другой гасли картинки: моя квартира, двор-колодец, рабочее кресло, лицо начальника, запах кофе по утрам. Они тускнели, как старые фотографии, и я понимала: это плата. Место не возьмёт меня, пока я не отпущу то, что держит меня там.

Но оставался Андрей. Его лицо я помнила ярко, до каждой морщинки у глаз. Корни дёрнулись, пытаюсь вытянуть и это воспоминание, но оно не поддавалось. Я вцепилась в него мысленно, как в якорь.

— Не трогайте его, — прошептала я.

Лоухи наклонила голову.

— Твоя связь крепка. Это редкость. Но ты всё равно при-
мешь.

И тогда я услышала его голос. Не в голове — снаружи, далёкий, искажённый, но живой. «Анна!» — донёсся он сквозь толщу миров, как крик сквозь толщу воды. Корни дрогнули. Старик открыл белые глаза чуть шире — впервые на его лице промелькнуло подобие удивления.

— Твой муж, — сказал он. — Он зовёт тебя.

— Отпустите меня к нему, — прошептала я.

— Поздно. Но ты можешь сделать так, чтобы он тоже был здесь. Позже. Когда будешь готова.

— Я хочу вернуться сейчас.

— Тогда примешь. И пройдёшь путь до конца. Иначе ты застрянешь здесь, а он — там, и вы никогда не встретитесь. Ни в этой жизни, ни в следующей.

Корни сжались сильнее, и я почувствовала, как колени подгибаются. Я упала бы, если бы Мила не подхватила меня под локоть — её рука была ледяной, но твёрдой.

— Решай, — сказала Лоухи. — Или уходи обратно в землю, как твоя прабабка, или становись собой.

Я закрыла глаза. В темноте под веками я увидела его. Андрей сидел у костра, сжимал в руке мою заколку и смотрел в туман. Его губы шевелились: «Анна, Анна, Анна...»

— Хорошо, — прошептала я. — Я принимаю. Шестьсот лет. Но когда они закончатся — я вернусь к нему. На тот же рассвет. Клянусь.

Слова сами сорвались с губ, и мир дёрнулся. Корни разжались, втянулись обратно в землю с влажным чавканьем. На моих лодыжках остались красные следы, похожие на ожоги, и из них сочилась не кровь — прозрачная, пахнущая болотом жидкость. Земля под ногами снова стала твёрдой.

Старик кивнул.

— Мудрое решение. Теперь ты — ученица.

— Плата принята, — добавила Лоухи, и я почувствовала, как внутри что-то обрывается. Невидимая нить, связывающая меня с прошлой жизнью, лопнула и осыпалась пеплом. Я больше не помнила, как пахнет офис. Не помнила, какое было небо над городом в тот день, когда мы уехали. Только Андрей. Только он.

Чуть поодаль стояла высокая женщина в плаще, мерцавшем мокрой рыбьей чешуёй. Её лицо казалось вырезанным

из светлого дерева — такое же гладкое и неподвижное, но глаза были разными: один смотрел прямо на меня, другой — куда-то вбок, в туман, будто видел то, чего не видели остальные.

Лахтакка, — тихо сказала Мила у меня за спиной. — Хранительница берегового огня. Она учит видеть скрытое в воде и в пламени

Из толпы наставников выступила ещё одна фигура — не человек, скорее остов, обтянутый ветхой тканью, с пустыми глазницами, в которых горел мёртвый огонь. Веста. Она молча протянула мне маленький глиняный горшочек с сажей и сказала голосом, похожим на треск поленьев:

— Отмойся. Ты пахнешь чужим миром. Завтра первый урок.

Я взяла горшочек, чувствуя, как холод глины обжигает пальцы.

— Иди, — Мила снова взяла меня за руку. — Я покажу твой дом.

Она вывела меня из круга наставников. Они расступились, но на этот раз — провожая взглядами, в которых я прочла не злобу, а что-то похожее на голод. Долгое, терпеливое ожидание.

Я обернулась на ходу. Лоухи смотрела мне вслед, и на её губах играла странная, почти нежная улыбка. Вяйнемё закрыл глаза и стал похож на камень. Остальные стояли неподвижно, как изваяния, и только их тени жили — шевели-

лись, ползли по земле, тянулись друг к другу, сплетаясь в один чёрный круг.

В мире Андрея, в этот самый миг, у костра, он вздрогнул от внезапной боли. Левая лодыжка заныла так, будто кто-то сжал её ледяными пальцами. Он отдёргнул штанину — на коже проступили красные полосы, ровные, как след от верёвки. «Анна, — прошептал он. — Что с тобой?» Ветка в костре треснула, и пламя на секунду стало зелёным.

Я не видела этого. Но почувствовала — тёплая волна прошла сквозь грудь, и я поняла: он знает. Или догадывается. И ждёт.

Мы подошли к маленькой избе на краю деревни. Мила толкнула дверь, и оттуда пахло сухими травами и временем.

— Отдыхай, — сказала она. — Завтра начнётся учёба.

— Мила, — окликнула я, прежде чем она исчезла. — Кто ты на самом деле?

Она обернулась. На секунду её лицо стало старым, морщинистым, с глазами-колодцами, уходящими в самую сердцевину земли.

— Я — первая, — ответила она. — Та, кто пришла в этот лес, когда людей ещё не было. Та, кто позвала остальных. Я — хозяйка ворот, но и пленница. Я выбираю тех, кто займёт моё место. Или освободит.

— А я?

— Ты — та, кто вернётся. Я знаю. Я ждала тебя шестьсот

лет.

Она растаяла в воздухе, оставив после себя холод и запах ячменя. Я осталась одна на пороге своего нового дома, сжимая в одной руке камень-личину, в другой — горшочек с сажей, и чувствуя, как по ногам всё ещё поднимается холод от прикосновения корней. Где-то далеко, за туманом, мой муж сидел у костра и ждал. И я поклялась — он дождётся.

Конец главы 11

Глава 12. Изба

Анна

Изба стояла на краю деревни, у самой опушки леса. Маленькая, рубленая, с резными наличниками. Когда Мила открыла дверь, внутри пахло деревом и сухими травами.

Я вошла. Внутри было чисто: печь, деревянный стол, лавка, сундук. На стене — зеркало из полированного камня, тёмного, почти чёрного.

Я подошла к нему.

В отражении на меня смотрела женщина, которую я не узнавала. Моё лицо, но тоньше, острее. Скулы выступают, глаза стали больше, глубже. Волосы — ярко-рыжие, как пламя, падают на плечи тяжёлой волной.

— Это я? — спросила я.

— Ты, — Мила стояла у порога. — Но скоро станешь ещё больше собой.

— Что это значит?

— Здесь ты найдёшь то, что потеряла в городе. Силу, память, дар.

Я отошла от зеркала, села на лавку. Дерево подо мной скрипнуло — не как обычно, а тонко, жалобно, будто живое.

— Я не хочу силы, — сказала я. — Я хочу домой. К Андрею.

Мила вошла, села рядом. Её тело не касалось лавки — она парила над ней, оставляя между собой и деревом тонкую полосу тумана.

— Он будет ждать, — сказала она. — Он у костра. Он придёт. Когда ты будешь готова.

— Ты обещаешь?

— Я не обещаю, — она посмотрела на меня. — Я знаю. Это уже было. Так всегда.

Она встала, скользнула к двери. На пороге остановилась, обернулась. Её лицо на секунду стало старым, морщинистым, а глаза — бездонными, как колодцы, уходящие в самое сердце земли.

— Отдыхай, — сказала она. — Завтра начнётся учёба.

— Мила, — окликнула я. — Кто ты?

Она не ответила. Только улыбнулась — и в этой улыбке мне почудилась бесконечная печаль. Потом она растворилась в воздухе, оставив после себя холод и запах ячменя.

Я осталась одна.

Солнце за окном не двигалось — застыло в той же точке, что и тогда, когда я открыла глаза. Но свет стал мягче, будто день перешёл в вечер без движения, без сумерек.

Я подошла к печи. Внутри было холодно. Я вспомнила слова Весты о том, что огонь — сердце дома. Но сейчас у меня не было сил его зажигать. Я просто стояла, смотрела в чёрное нутро печи и думала об Андрее.

Он сидит у костра. Смотрит на огонь. Ждёт. Он не знает,

где я. Не знает, что я стала другой. Что я, может быть, уже не вернусь.

Я вернулась к столу, села на лавку, достала камень-личину из кармана — того, что был на мне. Он был горячим, почти обжигал пальцы. Я положила его на столешницу и смотрела на вырезанное лицо. Глаза закрыты, губы сложены в тонкую линию, щёки гладкие, как у младенца, но само лицо было древним.

— Зачем я здесь? — спросила я. — Что я должна сделать?

Камень молчал. Но комната стала холоднее. Я подняла голову — за моей спиной, на стене, шевелилась тень. Моя тень. Но я сидела неподвижно.

Я замерла. Тень двигалась сама по себе. Она отделилась от стены, скользнула по полу, остановилась у камня.

— Что ты? — прошептала я.

Тень не ответила. Она просто лежала у камня, пульсируя в такт моему сердцу.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть.

Внутри меня боролись страх и странное спокойствие. Я знала, что должна здесь остаться. Что-то держало меня. Что-то, что было сильнее моего желания убежать.

Я открыла глаза. Тени не было. Камень лежал на столе, тёмный и холодный.

Я легла на лавку, свернулась калачиком, поджала колени к груди. За окном не двигалось солнце, не шевелились ветки, не пели птицы. Тишина была такой плотной, что давила на

уши.

— Андрей, — прошептала я. — Я вернусь.

Никто не ответил.

Я закрыла глаза. И в тишине слышала шаги. Лёгкие, детские. Они обошли избу, остановились у двери.

Я не открывала глаз. Шаги затихли. Я почувствовала холод у своего лица — как будто кто-то стоял надо мной и смотрел.

Я медленно открыла глаза.

Никого. Только камень на столе, и на нём — капля воды, которой не было раньше.

Я протянула руку, коснулась камня. Он был мокрым. Я поднесла пальцы к губам — вода пахла болотом. Гнилью, торфом, чем-то древним и сладким.

Я убрала камень в карман, свернулась на лавке и закрыла глаза.

Сон не приходил. Но я знала, что должна спать. Потому что завтра начнётся то, ради чего меня позвали.

Я лежала в темноте, слушая тишину. И в какой-то момент мне показалось, что за стеной кто-то плачет. Тихо, на одной ноте. Я не знала, плачет ли это ребёнок или женщина, или сама земля. Я только знала, что этот плач был здесь всегда, задолго до меня, и останется здесь после.

Я заснула под этот звук. И мне ничего не приснилось.

Когда я открыла глаза, солнце стояло в той же точке. Но свет стал тяжелее.

Конец главы 12

Глава 13. Руна имени

Анна

Я проснулась от того, что кто-то дышал мне в лицо.

Тёплый воздух касался щеки, пахло мёдом и прелой листвой. Я не открывала глаз — боялась. Боялась, что если открою, то увижу над собой не потолок избы, а что-то другое.

Вдох. Выдох. Дыхание не отступало.

Я открыла глаза.

Надо мной был потолок из тёмных брёвен. Мох в трещинах слабо светился, как гнилушка в болоте. Я села на лавке. Тело слушалось, но было чужим — лёгким, гибким, с длинными пальцами. Я посмотрела на свои ладони. Метки, которые вчера были слабыми, теперь стали чётче. Спирали, завитки, линии, которых не было на моих руках никогда. Они пульсировали в такт сердцу.

Я встала, подошла к зеркалу из полированного камня. На меня смотрела женщина, которую я не узнавала. Моё лицо, но тоньше, острее. Скулы выступают, глаза стали больше, глубже. Волосы — ярко-рыжие, как пламя.

— Это я, — сказала я вслух.

Отражение не ответило. Но его губы дрогнули на долю секунды позже моих.

Я умылась водой из кувшина. Она была холодной, пахла

болотом. На столе появилась еда — хлеб, мёд, ягоды. Я не видела, кто принёс. Я уже переставала удивляться.

Я доела, оделась. Льняная рубаха, которую дали мне вчера. Камень-личина в кармане. Он был тёплым, почти горячим. Я сжала его — и на мгновение мне показалось, что я слышу далёкий голос. Мужской. Знакомый. «Анна!» — будто крикнул кто-то сквозь толщу воды. Я замерла. Камень смолк.

Я вышла на улицу.

Деревня казалась пустой. Улицы были прямыми, чистыми, но никто по ним не ходил. Дома стояли с закрытыми дверями, ставни задвинуты. Я заметила, что на каждом пороге лежит маленький камешек — серый, гладкий, с вырезанной руной. Я наклонилась, чтобы рассмотреть один. На камне была руна, которую я не узнала. Но когда я коснулась её пальцем, камень нагрелся, и я услышала далёкий шёпот: «Не входи без приглашения».

Я отдёрнула руку и пошла дальше.

У большой избы уже стояли наставники. Десять фигур в льняных рубахах, неподвижных, как изваяния. В центре — старик с закрытыми глазами. Рядом с ним — рыжая женщина, Лоухи. При виде меня она усмехнулась.

— Проснулась, — сказала она. — Думала, будешь дольше сопротивляться.

— Я всё ещё сопротивляюсь.

Лоухи подошла ближе. От неё пахло сухими травами и

чем-то ещё — железом. Кровью?

— Сегодня ты узнаешь своё настоящее имя, — сказала она. — То, которое нельзя говорить вслух. То, которое даст власть над тобой любому, кто его узнает.

— Зачем оно мне?

— Без имени тебя здесь нет. Ты — тень, гостья, чужой дух. Имя впечатает тебя в это место. Сделает настоящей.

— А если я не захочу быть настоящей здесь?

Лоухи посмотрела на меня долгим взглядом. Её глаза на секунду стали не чёрными — белыми, как у Вяйнемё.

— Тогда ты исчезнешь. Не уйдёшь обратно — просто перестанешь быть. Твоё тело у костра истлеет за один удар сердца. Твой муж даже не поймёт, что случилось.

Я сжала камень в кармане. Он был тёплым. Живым.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Она привела меня в свою избу на курьих ногах. Внутри пахло так, что у меня защипало в носу: травы, кровь, что-то горелое. На полках — пузырьки, пучки сушёных растений, странные камни. В углу — большой деревянный стол, весь в царапинах и тёмных пятнах.

Лоухи указала на скамью. Я села. Она поставила передо мной глиняную чашу с водой. Вода была мутной, с плавающими крупинками. От неё исходил холод — не тот, что от льда, а тот, что от глубокого колодца, куда никогда не попадает солнце.

— Смотри в воду, — сказала Лоухи. — Что видишь?

Я посмотрела. Вода была мутной, моё лицо расплывалось.

— Себя, — ответила я.

— Смотри глубже.

Я всмотрелась. Вода начала светлеть, крупинки оседали, и в глубине появилось лицо. Другая женщина. Те же скулы, тот же разрез глаз, но волосы совершенно седые, а на лице — глубокие морщины. Глаза её были закрыты. Потом открылись — белые, как у Вайнемё.

— Это... моя прабабка? — спросила я.

— Да, — Лоухи стояла за моей спиной, я чувствовала её дыхание на затылке. — Она тоже сидела здесь. Тоже боялась. Теперь твоя очередь.

— Она хочет что-то сказать?

Лоухи помолчала. Потом наклонилась к самому уху.

— Хочет. Но я не дам. Не сейчас. Ты ещё не готова.

Она положила на стол кусочек бересты и кусок угля.

— Первая руна — твоё имя. Пиши.

— Я не знаю рун.

— Рука знает. Пиши.

Я взяла уголь. Он был горячим, только не жёг — впитывался в пальцы, как сухая земля впитывает воду. Я почувствовала, как пальцы сами начинают двигаться, выводить знаки. Я не понимала, что пишу, но каждое движение отдавалось в ладони болью. Уголь трещал, крошился, оставляя на бересте чёрные линии, которые светились слабым зелёным.

— Хорошо, — выдохнула Лоухи. — Теперь брось в воду.

Я бросила бересту в чашу.

Вода вспыхнула зелёным огнём — не жарким, а мёртвым, холодным. Пламя лизало края чаши, но не выплёскивалось. Береста сгорела без дыма, оставив на поверхности чёрный пепел.

И в этот миг я услышала голос.

«Анна».

Не Лоухи. Не прабабки. Андрей. Его голос прорвался сквозь толщу миров, далёкий, искажённый, но узнаваемый. Он звал меня.

Я вздрогнула так, что чаша качнулась. Вода плеснула через край, залив стол чёрной лужицей. Лоухи резко подалась вперёд, схватила чашу, прижала ладонями.

— Не отвлекайся! — прошипела она. — Здесь это опасно.

— Он зовёт меня, — прошептала я. — Он там, у костра, один...

— Знаю. Я слышу. Но если ты сейчас сорвёшь ритуал, он никогда тебя не дозовётся. Ты застрянешь здесь, а он — там. Навсегда.

Я заставила себя замереть. Лоухи убрала ладони. Поверхность воды снова стала гладкой, но в ней больше не было моего лица. Только чёрный пепел, который медленно стягивался в центр, складываясь в узор.

— Твоё имя записано, — сказала Лоухи. Голос её звучал глухо, будто она сама испугалась того, что произошло. — Теперь тебя здесь знают.

— А раньше не знали?

— Знали, но не могли назвать. Теперь могут. — Она наклонилась к моему уху, и её дыхание обожгло холодом. — Имя — это власть. Никому не давай свой ключ. Даже ему. Особенно ему.

— Почему?

— Потому что он позвал тебя, и ты услышала. Значит, ваши имена уже сплетены. Если он узнает твоё — ты станешь его тенью. Если ты узнаешь его — он станет твоей. Вы не готовы.

Пепел в чаше дрогнул, сам собой высыпался через край и упал на стол, рассыпавшись в идеальный круг. Я смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Круг пульсировал, стягивался в точку, и в этой точке я увидела крошечную фигуру. Человек. Стоит у костра. Ждёт.

— Андрей, — прошептала я.

— Да, — кивнула Лоухи. — Это его круг. Мой тебе подарок: ты можешь смотреть на него раз в год. Не больше. Не пытайся говорить — он не услышит, а ты потратишь силу.

Я протянула руку к пеплу. Он был тёплым. Фигура в кругу стояла неподвижно, но я знала — он жив. Он ждёт. Он верит.

Сколько он уже там? Час? Два? Для меня — день. Для него — вечность.

— Убери, — сказала Лоухи.

Я отдернула руку. Пепел снова стал просто пеплом.

— Завтра придёшь снова. Будем учить первую руну защи-

ты.

Я встала со скамьи. Ноги не слушались, но я шла к двери. На пороге остановилась.

— Лоухи, — позвала я, не оборачиваясь. — А ты своё имя кому-нибудь отдавала?

Тишина. Я думала, она не ответит. Но потом она заговорила — тихо, как будто себе самой:

— Отдала. Однажды. Поэтому я здесь.

Я не стала спрашивать, кому. Вышла, прикрыв дверь.

За спиной, в избе, погас зелёный свет.

На улице меня встретил серый день. Солнце стояло в той же точке. Я пошла к своей избе, сжимая в кармане камень-личину. Он был горячим. Пульсировал в такт моему сердцу.

Внутри избы я села на лавку, закрыла глаза. В темноте под веками я увидела его. Андрей. Он сидел у костра, сжимал в руке мою заколку. Его губы шевелились: «Анна, Анна, Анна...»

— Я здесь, — прошептала я. — Я вернусь.

Камень в кармане потеплел ещё сильнее. Или мне показалось.

За окном не двигалось солнце. Но где-то там, за туманом, в другом мире, у моего мужа дрогнула тень — и на секунду легла не в ту сторону, куда светил костёр. А потом всё стало как прежде.

Почти.

На лавке, рядом со мной, лежало чёрное перо. Я взяла его. Оно было тёплым и пахло бензином.

— Ты слышал меня, — прошептала я. — Ты слышал.

Перо дрогнуло и рассыпалось пеплом.

Конец главы 13

Глава 14. Ожидание

Андрей

Я сидел у костра и смотрел на палатку.

Костёр давно погас. Я подбросил дров, но они не загорались. Лежали чёрные, мёртвые, и от них не шло тепла. Я оставил их. Бесполезно.

Туман стоял стеной. Он не рассеивался, не редел — просто висел, плотный, молочный, живой. Я смотрел в него, и мне казалось, что он дышит. Втягивается и выдыхается, как огромные лёгкие.

Я потерял счёт времени.

Свет не двигался, но тяжелел. Тени не менялись. Мир застыл.

Я перестал есть. Перестал пить. Я только сидел у мёртвого костра, смотрел на палатку и ждал.

Внутри неё лежали её вещи. Куртка на колышке. Джинсы аккуратно сложены. Ботинки у входа. Как будто она встала и вышла босиком.

Но я бы услышал.

Я всегда слышал её шаги.

Я закрыл глаза. В темноте под веками я увидел её. Анна стояла на поле, среди высокого ячменя. Её волосы стали рыжими, яркими, как огонь. Она смотрела на меня, улыбалась,

протягивала руку.

— Анна! — крикнул я.

Она не слышала. Или не могла ответить.

Я открыл глаза. Туман стоял на месте.

Я снова закрыл их.

Ничего.

Я не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, день. Я знал только, что она там, где я не могу её достать.

В какой-то момент я услышал шаги.

Они были лёгкими, быстрыми. Они обошли палатку, оставились у входа.

Я встал. Подошёл.

Никого.

На земле остались следы. Маленькие, босые. Я опустился на колени, коснулся их пальцем. Земля была холодной. И влажной. Как будто кто-то только что стоял здесь.

Я поднял голову. Туман колыхался. В его глубине мне почудилась тень. Маленькая. Детская.

— Анна? — позвал я.

Тень исчезла.

Я остался один.

Я вернулся к костру, сел на землю. Подтянул колени к груди. Мне было холодно, но я не чувствовал холода. Мне было страшно, но я не знал, чего именно.

Я боялся не за себя.

Я боялся, что она не вернётся.

Я закрыл глаза и провалился в дрёму.

Мне приснилась река. Чёрная, медленная, с берегами, заросшими ивами. На том берегу стояли люди. Серые, безликие, их лица были как пустые маски. Один из них отделился от толпы и пошёл по воде. Он не шёл — он скользил, не касаясь поверхности.

Когда он приблизился, я узнал его. Это был мой дед, умерший десять лет назад. Но он выглядел моложе, чем при жизни. И глаза у него были белые, как у той старухи на заправке.

— Ты не должен здесь быть, — сказал он. — Возвращайся.

— Я ищу Анну.

— Её здесь нет. Она ещё жива. Но если ты будешь искать слишком долго, то останешься с нами.

Он протянул руку. Пальцы были длинными, костяными, с чёрными ногтями. Он толкнул меня в грудь. Я упал в воду и проснулся.

На футболке, прямо на сердце, было мокрое пятно. Пахло тиной. И ещё — чем-то сладким, как гнилые яблоки.

Я снял футболку. На коже, там, где было пятно, проступила руна. Та самая, что я видел на камне-личине.

Я сжал кулаки. Я не знал, что это значит. Но я знал, что это не просто так.

Я встал, подошёл к палатке, залез внутрь. Лёг на её спальник. Вдохнул запах её духов. Он был слабым, почти неосязаемым.

— Вернись, — прошептал я. — Пожалуйста.

Никто не ответил.

Я закрыл глаза. И в темноте под веками я снова увидел её.

Она стояла в каменном круге, вокруг неё — люди в льняных одеждах. Она была другой. Волосы горели огнём, на руках — метки, на лбу — знак.

— Анна, — прошептал я.

Она не слышала.

Я открыл глаза. Туман стоял стеной. Костёр не горел.
Я сел у палатки, сжал голову руками и стал ждать.
Я не знал, что каждый час здесь — сто лет для неё.
Я не знал, что она уже живёт другой жизнью, пока я сижу
у мёртвого костра.
Я просто ждал.

Конец главы 14

Глава 15. Эпизод Лоухи

Анна

Я уже хотела уйти, но на пороге остановилась.

Внутри что-то заставило меня обернуться. Лоухи сидела за столом, смотрела на чашу с пеплом, и в её глазах было что-то, чего я не видела раньше. Пустота. Или память.

— Ты была человеком, — сказала я. Это был не вопрос.

Она подняла голову. На секунду её лицо стало молодым, красивым, с рыжими волосами, как у меня.

— Была, — ответила она. — Давно.

Она замолчала. Я уже думала, что она не продолжит, но Лоухи заговорила — тихо, глядя в пустоту перед собой.

— Я пришла сюда за силой. Я думала, что смогу управлять этим местом. Но место управляет тобой.

— Что ты потеряла?

— Всё, — она усмехнулась. — Имя, дом, тех, кого любила. Даже тень. А взамен получила вечность. Ты думаешь, это дар?

Я молчала.

Она смотрела на свои руки — старые, морщинистые, с тёмными ногтями.

— Я была дочерью кузнеца. Жила в деревне у подножия холма, там, где сейчас только камни и мох. Меня любили. У

меня был муж, дети. Я шила платья, пекла хлеб, пела колыбельные по ночам.

Она замолчала. Тишина в избе стала плотной, как вода.

— А потом пришёл голод. Тот год был сухим, рожь не взошла, рыба ушла из реки. Дети плакали, муж смотрел на меня пустыми глазами. Я не могла смотреть на их лица. Не могла.

Она провела пальцем по столу, оставляя полосу в слое пепла.

— Я слышала о месте, где время течёт иначе. Где можно взять силу, урожай, тепло. Я пошла. Я думала, что смогу заплатить за всех. Что возьму на себя.

Она подняла на меня глаза. В них была тьма, но не пустая — полная.

— Я ошиблась.

— Что случилось с твоей семьёй? — спросила я.

Она усмехнулась. Усмешка была горькой.

— Я забыла их лица через сто лет. Имена — через двести. А через триста я забыла, что у меня вообще была семья. Место забрало всё. А взамен дало эту избу, этих наставников и вечность, которая хуже смерти.

— Ты жалеешь?

Она посмотрела на меня долгим взглядом.

— Я жалею, что не утонула по дороге сюда.

Она встала, подошла к окну. Солнце застыло в одной точке, тени не двигались.

— Уходи, — сказала она. — Пока ты ещё можешь.

Я не знала, что ответить. Я вышла и закрыла дверь. Но её слова остались со мной.

Я вышла, но перед глазами ещё стояло её лицо — молодое, красивое, с рыжими волосами, как у меня. И вдруг я увидела её другой.

Она стоит на пороге деревянного дома, за спиной — мужчина, дети. Она молода, она красива. Но в глазах уже есть то, что я вижу сейчас: пустота. Она смотрит на лес, и лес смотрит на неё.

— Я хочу быть сильной, — говорит она. — Я хочу, чтобы меня боялись. Чтобы никто не мог меня обидеть.

Она делает шаг в лес. Мужчина зовёт её, дети плачут. Она не оборачивается.

— Я думала, что сила даст мне всё, — слышу я её голос уже из другой жизни. — А она взяла всё. Имя, дом, любовь. Даже тень. А взамен дала вечность, которая хуже смерти.

Я моргаю. Видение исчезает. Я стою на пороге её избы, и в щель между брёвнами вижу её — старуху, перебирающую сухие травы. Она не смотрит на меня. Она уже забыла, что только что говорила.

Я ухожу. Но её лицо — молодое, красивое, несчастное — остаётся со мной.

Лоухи смотрела в окно. Я вышла, и услышала, как она тихо запела колыбельную без слов — мелодию, от которой у меня заныли зубы.

Конец главы 15

Глава 16. Голос из тумана

Андрей

Я сидел у мёртвого костра и ждал.

Туман стоял стеной. Я смотрел в него, и мне казалось, что он дышит. Минуты тянулись как часы. Время здесь не текло — оно сочилось, как смола. Мир застыл.

Я смотрел на свою грудь. Руна, которая проступила после сна, пульсировала. Я провёл по ней пальцем — кожа была горячей.

Потом я почувствовал холод. Не снаружи — изнутри. Из груди, из того места, где пульсировала руна.

Туман передо мной закружился, сворачиваясь в воронку. Свет — не золотой, а зелёный, болотный — начал пульсировать в её центре.

Я встал.

Свет стал ярче. Он обжигал глаза, но я не мог отвернуться. В его глубине я увидел её.

Анна.

Она стояла в поле, среди высокого ячменя. Её волосы стали рыжими, яркими, как пламя. Она смотрела на меня, протягивала руку. Её губы шевелились, но я не слышал слов.

— Анна! — крикнул я.

Свет взорвался. Ослепительная вспышка, и меня потяну-

ло вперёд, в туман, в этот зелёный свет. Меня ударило в грудь горячей волной, и на миг я почувствовал, как сердце остановилось, а потом забилося в ритме, который был не моим — частым, с перебоями, как птичье.

Я попытался удержаться, но ноги не слушались. Земля уходила из-под ног. Я падал, летел, растворялся.

И в этой пустоте, между мирами, я услышал голос. Девочки.

— Она позвала тебя, — сказала Мила. — Не хотела. Ошиблась. Но теперь ты здесь.

— Где я? — попытался спросить я, но не услышал своего голоса.

— Между. Не бойся. Она там, куда ты идёшь. Но запомни: когда окажешься рядом, не спрашивай её ни о чём. Она и так будет знать, что ты винишь себя. А винить некого. Она ошиблась. Но ты пришёл. Это главное.

— Что мне делать?

— Быть рядом. Ждать. Она училась сто лет. Теперь вы будете учиться вместе. Пятьсот лет. А потом вернётесь.

— Пятьсот лет?

— Для тебя — минуты. Для неё — века. Время здесь течёт иначе.

Свет сомкнулся. Я потерял сознание.
Очнулся я на траве. Анна стояла надо мной.
Конец главы 16

Глава 17. Решение

Анна

Сто лет. Я считала их по свету, который становился то ярче, то тусклее. Сто раз он становился тусклым, и я знала — прошёл год. Сто раз зажигала огонь в печи, сто раз смотрела, как он горит, и думала об Андрее.

Он не приходил. Я ждала.

Сто лет — это много. Достаточно, чтобы забыть голос матери. Достаточно, чтобы лица друзей стали расплывчатыми, как старые фотографии. Но Андрея я помнила. Каждую черту, каждую морщинку у глаз. Я держалась за эти воспоминания, как за якорь.

Я сидела у зеркала из полированного камня и смотрела на себя. Рыжие волосы падали на плечи тяжёлой волной. Лицо заострилось, глаза стали глубже. В них появилось что-то древнее. Метка на лбу — та, что оставил Хийси, — стала бледнее, но не исчезла.

Холода я не чувствовала уже много лет. Тело забыло, что значит мёрзнуть. Огонь не обжигал. Вода не казалась ледяной. Я была другой.

— Ты изменилась, — сказал однажды Вьянемё. — Теперь ты почти готова.

— Почти?

— Тебе не хватает одного. Ты должна понять, что удерживает тебя здесь. И отпустить.

— Меня удерживает обещание.

— Обещание? — он открыл белые глаза. — Или страх?

Я не ответила.

В ту ночь я не спала. Сидела у печи, смотрела на огонь. Андрей — тот, который снился мне, тот, который ждал там, в реальности, — он был со мной. В мыслях. В каждой руне, которую я чертила. В каждом ударе молота, когда я ковала обереги.

Я смотрела на пустое место рядом и думала о том, как он пришёл бы. В тумане, с фонариком в руке, растерянный, испуганный.

Я могла бы его позвать.

Я знала, что есть ритуал. Сдвиг. Лоухи говорила о нём. «Ты можешь увидеть свой мир, — сказала она однажды. — Но за это будет плата».

Я не хотела платить. Я хотела, чтобы он пришёл.

Я встала и вышла на улицу. Льяная рубаха, которую дали мне в деревне, была тонкой, но я не чувствовала холода. Свет был серым, предрассветным. Солнце висело низко над лесом, застывшее.

Я пошла к Лоухи.

Она не спала — сидела на крыльце своей избы, перебирала сухие травы. Увидев меня, усмехнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.